

УДК 316.3/4; 323 (470+521; 321)
ББК 60.5; 87.65

Николай Сергеевич Розов
доктор философских наук, профессор,
Новосибирский государственный университет
(Новосибирск, Россия), e-mail: nrozov@gmail.com

Политическая динамика в современной России: естественное и искусственное

Политическая динамика всегда включает естественные процессы складывания и искусственные процессы конструирования. Описан процесс «порочных циклов» смены авторитаризма, «модернизации» и вновь отката к авторитаризму. Все эти микротакты политической динамики происходят на фоне стагнации и разложения, что проявляется в утечке мозгов и капиталов, упадке малого бизнеса, падении промышленного производства, беспрецедентном росте коррупции, деградации образования.

Политические события России начала XXI в. рассматриваются с точки зрения концепции циклической динамики («естественной»), теории революций («естественно-искусственной») и стратегий основных акторов («агентский», или «искусственный» подход). Особое внимание уделено последнему авторитарному откату (фазе реакции), начавшемуся с лета 2012 г., вероятным сценариям политической динамики, развилкам, факторам распада репрессивных режимов, пониманию своих стратегий конфликтующими сторонами и формирующейся «повестке дня».

Ключевые слова: современная русская Федерация, политическая динамика, репрессивные режимы, инакомыслие элиты, теории революции, протестные движения, социально-политический кризис, демократизация.

Nikolay Sergeevich Rozov
Doctor of Philosophy, Professor,
Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russia), e-mail: nrozov@gmail.com

Political Dynamics in Russia Today: the Natural and the Artificial

Political dynamics always includes natural processes of stowage and artificial processes of construction. The process of “defective cycling” of authoritarianism change, “modernization” and repeated kickbacks to authoritarianism is described. All these micro kickbacks of political dynamics occur against a background of stagnation and decomposition, which become apparent in brain drain and flight of capital, fall of small business, unprecedented raise of corruption, and education degradation.

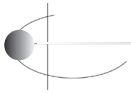
Political events in Russia at the beginning of the 21st century are described from the viewpoint of cyclic (“natural”) dynamic conception, theory of revolutions (“natural-artificial”) and strategy of common actors (“agent” or “artificial” point of view). Special attention is paid to the last authoritarian kickback (phase of reaction), which has started since the summer of 2012, and to possible scenarios of political dynamics, embranchments, factors of disintegration of repressive regime, understanding of self-strategies by conflicting parties and forming agenda.

Keywords: contemporary Russian Federation, political dynamics, repressive regimes, elite’s dissent, revolution theories, protest movements, social-political crisis, democratization.

Политическая динамика всегда включает естественные процессы складывания и искусственные процессы конструирования (с целями, программами, стратегиями акторов). В этом плане поучительно рассмотреть известные всем политические события России начала XXI в. с точки зрения концепции циклической динамики («естественной»), теории революций («естественно-искусственной») и стратегий основных акторов («агентский», или «искусственный» подход).

Происходящие в стране быстрые и существенные политические изменения представляют и прекрасную «естественную лабораторию» для апробации теоретических идей для социальных исследователей, и захватывающую, вдохновляющую стихию для участников политических процессов: протестных движений и лояльных режиму групп.

Поэтому вполне объяснимы как интерес к теоретическому осмыслению происходящего сейчас в России со стороны политологов, со-

циологов, историков, так и глубокое их беспокойство относительно вероятных угроз.

Россия явным образом продолжает свой путь в колее порочных циклов [3]. После авторитарного отката 2003–2007 гг., близкого к кризису замешательства правящего слоя в связи с «проблемой 2008 г.», виртуальной медведевской «модернизации» (с явными либеральными намёками, так и оставшимися втуне) наступил уже более серьёзный кризис – массовое протестное движение «рассерженного городского класса» (декабрь 2011 – лето 2012 гг.), а затем после 6 мая 2012 г. – новый авторитарный откат как вполне откровенная реакция с продолжающимися по сию пору точечными политическими репрессиями.

Все эти микротакты политической динамики происходят на фоне более крупного социально-экономического такта стагнации и разложения, что проявляется в утечке мозгов и капиталов, упадке малого бизнеса, падении промышленного производства, беспрецедентном росте коррупции, деградации образования.

Правящая группа, как и сам режим «вертикали власти», в большой мере делегитимирована, особенно в среде образованного класса столиц и крупных городов, но явно не собирается не то что отдавать власть, но даже делиться ею. Чем дальше, тем плотнее закрывается «мягкий» путь, связанный с ротацией власти по результатам выборов и постепенной эволюцией. Соответственно, при росте общественного напряжения единственной возможностью существенного, а не декоративного, преобразования режима оказывается глубокий политический кризис и последующий демонтаж режима (революция). Что же говорит нам современная социальная теория о революциях? Обратимся к книге одного из ведущих современных макросоциологов Р. Коллинза «Макроистория, опыты социологии большой длительности» [5], первая глава которой как раз посвящена теориям революций.

Тут же обнаруживаем первое разочарование: классическая марксистская теория «скороварки» (напряжение снизу растёт и взрывает политическую оболочку) развенчивается. Пока сплочены элиты и их военный репрессивный аппарат, любые низовые брожения тщетны.

Также понятно, что демографический фактор, ключевой в анализируемой Коллинзом теории Дж. Голдстоуна, проявившийся недавно как «молодёжный бугор» в арабских революциях [4], при текущем тренде россий-

ской депопуляции действует в обратном направлении, но может в ближайшие годы способствовать росту молодёжных протестов в России, когда во взрослую жизнь войдут когорты, родившиеся в начале 1990-х гг.

Вполне релевантным и достаточно прозрачным фактором революционных изменений является финансовое напряжение, неспособность государства платить своим собственным функционерам и, прежде всего, своим солдатам. Известная нынешняя ситуация в России «один дарующий – много просящих и берущих» устойчива, пока есть, что давать, а это определяется главным образом мировыми ценами на энергоносители.

Менее тривиальным, но также обсуждаемым является фактор межэлитного конфликта, междоусобных войн, разделяющих правителей и парализующих их способность действовать, иными словами раскол элит. Пока признаков его нет: перманентные распри между кланами не нарушают общей солидарности и лояльности. Самым значимым является вопрос о следующем слое причинности: что ведёт к расколу элит и иммобилизации (обездвижению) репрессивного аппарата? Имеющиеся, в том числе, обсуждаемые Коллинзом теории революций указывают на такие факторы, как:

а) *недостаточность ресурсов* у правящей группы для выполнения ожидаемых от неё обязательств (см. выше);

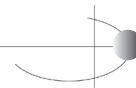
б) *перепроизводство элит*, что ведёт к недовольству «обиженной» части и формированию контрэлиты;

в) *делегитимация правящей группы*, но не с точки зрения законности и оправданности её правления, а с точки зрения утраты значительной частью элит веры в то, что поддержка этой группы – наиболее безопасная и эффективная политическая стратегия (см. далее о репрессивной коалиции);

г) *появление альтернативных центров влияния*, которые по каким-то причинам уже нельзя подавить и уничтожить, и которые явно набирают как общественную популярность, так и притягательность для держателей ресурсов и для административных, силовых структур;

д) *появление и популяризация альтернативного привлекательного образа будущего*, соответствующих лозунгов и идеологии, которые дискредитируют правящую группу и усиливают влияние новых центров силы;

е) *«бунт регионов»*, когда региональные власти сначала неявно, а потом всё более открыто начинают поддерживать не правящую

группу, а альтернативные центры силы, главным образом потому, что рассчитывают при их победе увеличить свою автономию, доступ к ресурсам и влияние;

ж) *утеря государством престижа могущества на международной арене*, вина за которую возлагается в общественном сознании на правящую группу и режим;

з) убедительная *поддержка референтными, влиятельными державами альтернативных центров силы* (контрэлиты), что даёт надежду в обществе на повышение международного престижа государства при их победе.

Выше перечислены факторы раскола элит и последующего политического кризиса, который может разрешиться самым разным образом, в том числе реакцией и авторитарным откатом, либо же временной либерализацией, сопряжённой с утерей государственного контроля, ростом дискомфорта, тревожности и возвратов к авторитаризму.

Выход из этой «колеи циклов» предполагает как организационную подготовку пришедших к власти групп, так и принятие ими особых «правил игры», определённого круга общих принципов, запретов и ценностей [3, гл. 14–15]. В этом плане значимыми оказываются символические ресурсы и деятельность идеологов, а особого внимания заслуживает анализ Коллинзом представлений Дж. Голдстоуна и Р. Вутноу о роли интеллектуалов в революциях, прежде всего, тезисы о структурной обусловленности идеологий, о важности «патовой ситуации» между политическими силами для повышения статуса и творческой активности идеологов, о неспособности самих интеллектуалов к последовательным политическим действиям и проведению структурных изменений [5, с. 1].

Сегодняшнее государство в России является полицейским не в ругательном, а точном политологическом смысле слова, поскольку принят комплекс законов и правил (особенно, в отношении выборов, мирных собраний граждан, публичной критики), по которым легальная оппозиционная борьба за смену правящей группы становится невозможной и вообще может трактоваться как «экстремизм».

При этом есть множество необходимых действующих законов и правил, без которых государство вообще перестанет функционировать. «Странность» в том, что оставаясь в рамках правового поля, необходимо законы второго типа выполнять, а законы и правила первого типа иногда можно и нужно нарушать (например, митинг не санкционирован, но его всё равно созвать; издание запрещено, но его материалы распечатывать, партия не за-

регистрирована, но её региональные структуры создавать и т. д.).

Как отличить «полицейские» законы от «нормальных»? Вот здесь и оказывается необходимой достаточно глубокая и нетривиальная теория философии права об общеправовых принципах, которым принятые «позитивные» законы противоречат, а значит, правовыми не являются. Как видим, вопросы политического действия сугубо практические, а без теории тут не обойтись.

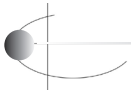
Явно среди представителей среднего класса столиц и крупных городов появились новые значимые символы («честные выборы», «обязательная сменяемость власти» и др.), новая идентичность («я – гражданин и вправе предъявлять требования к власти»), новые поведенческие практики и соответствующие ритуалы (массовые митинги и шествия).

Складываются новые организационные структуры (многофункциональные комитеты, например «Гражданское движение», сообщества, например «Лига активных избирателей», «Координационный совет оппозиции»), которые при достижении устойчивых ресурсных источников могут быть преобразованы в новые сообщества и институты.

Смело можно предположить, что для лиц, находившихся в гуще протестных событий, всё это наложит необратимый отпечаток на личность (ср. с «шестидесятниками» из «оттепели» или защитниками Белого дома в августе 1991 г.). Всё остальное является пока лишь слабыми ростками, которые в зависимости от хода события, прежде всего, от серий положительных или отрицательных подкреплений, могут либо вырваться в устойчивые воспроизводимые ментальные и социальные структуры, либо смонются волнами разочарований, фрустраций и страхов.

С точки зрения моделей социальной динамики, длительность и успех протестного движения зависит от множества разнородных факторов. Главным же фактором является сплочённость, последовательность и эффективность реакции авторитарного режима.

Яркими представителями противоположных полюсов являются как раз случаи прекращения «оттепели» конца 1950-х – начала 1960-х гг. и прекращения «перестройки» в 1991 г. Весьма успешный откат Л. Брежнева к неосталинизму подавил «оттепель» и начал период относительно стабильного правления на протяжении почти двух десятилетий. ГКЧП же оказался провальным и продержался лишь три дня, а крах его привёл к кардиналь-

ным институциональным переменам и распаду всей сверхдержавы.

Здесь нет возможности проводить сколько-нибудь развёрнутое сравнение факторов, но в силе остаётся вышеозначенный принцип: понятный аппарат ментальной и социальной динамики (от символов и идентичностей к ритуалам, институтам, иерархиям и новым типам рынков) остаётся адекватным и полезным для постановки хороших вопросов в сравнительных исследованиях такого рода.

Вопрос «что делать?» – конкретный. Делать нужно разное в зависимости от складывающихся обстоятельств, тем более это верно в кризисные периоды, когда обстоятельства меняются со стремительной быстротой. Чем же тогда может помочь теория?

Если речь идёт о необратимой демократизации, тогда следует говорить о переходе к новому аттрактору открытой и конституционалистской политики (с приоритетом формальных правил ротации по результатам публичных обсуждений и выборов над волей властителей) от прежнего, типичного для России аттрактора с закрытой и авторитарной политикой («вертикаль» назначений и принуждения).

Конкретные траектории движения от одного аттрактора к другому бывают самые разные, но в идеально-типическом плане можно представить основные развилки на этом пути и условия успешного прохождения каждой. В рамках модели, совмещающей теорию демократии как коллегиального разделения власти [5, ch. 4] и развёрнутую матрицу «качество политической конкуренции / открытость политики» [1] выделены пять основных развилки [2]. В каждой из этих развилки первая альтернатива (более лёгкая и привычная для российской политической традиции) возвращает к авторитарному аттрактору, а вторая (более трудная и непривычная) ведёт к устойчивой демократии, уже реальной, а не имитационной, как сейчас.

Развилка 1. Политический кризис ведёт либо к новому авторитарному откату и последующей стагнации, либо к расколу элиты, появлению новых центров силы.

Развилка 2. В условиях полиархии (нескольких автономных центров силы) стороны либо пытаются подавить и уничтожить друг друга, либо идут на компромиссы и заключают пакт элит.

Развилка 3. Пакт элит либо становится закрытым и перерождается в авторитаризм, либо переходит к открытому доступу в политику новых лиц и сил, к ротации на основе выборов.

Развилка 4. Новая демократическая власть оказывается либо неуспешной, провальной (в том числе из-за внешнеэкономической конъюнктуры или иных факторов), либо успешной, получающей поддержку и признание.

Развилка 5. Успешные лидеры, правящие группы либо находят способ остаться у власти, имитируя демократические процедуры, либо соглашаются на честные выборы и ротацию, уходят из власти по результатам выборов.

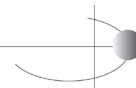
Сегодняшняя Россия с неуклонно назревающим кризисом находится на подступах к первой развилке.

Период политической реакции включает не только усиление репрессий со стороны властей, но также более или менее широкое распространение в обществе чувства страха, безнадёжности, оцепенения.

Понятно, что наихудший ответ лидеров протеста на реакцию – отчаяние и бегство, поскольку полностью соответствует целям репрессивного режима и надолго его укрепляет. Неразумно пытаться искусственно «раздуть» пламя общественного недовольства, поскольку в изменившейся ситуации провал таких попыток приведёт к ещё большему разочарованию. Не нужно чрезмерно обольщаться разладом в верхах – клановой борьбой между «озёрными питерцами» и «младоедросами», между «силовиками» и «сислибами» и т. д. Все они напуганы протестами, «шатающимся треном», который всех их может придавить, поэтому, скорее, они будут сообща поддерживать режим репрессий, чем кто-то вдруг отколется и начнёт апеллировать к улице и оппозиции.

Для оппозиции в сложившихся условиях оптимален средний путь упорной и планомерной работы по укреплению организационных структур и сетей протеста, по взаимной поддержке и помощи, по ведению обсуждений, подготовке и проведению пусть не широких, но точечных и эффективных протестных акций, способных вызвать резонанс, по политическому просвещению, расширению рамок возможного в политическом действии.

В плане «сознания» глубина и неприимиримость идейных разногласий, представлений о желаемом для страны будущем достигает опасных пределов, когда стороны уже перестают считать своих противников равноправными и достойными внимания оппонентами, но видят в них либо врагов, наймитов и нелюдей, либо откровенных преступников,

либо безнадежных идиотов, разговаривать с которыми бесполезно.

Если при налаженной коммуникации между сторонами и взаимоприемлемых способах установления и обновления властного и правового порядка разнообразие идеологических и политических позиций является нормальной характеристикой общества, то столь глубокий раскол между ненавидящими и боящимися друг друга противниками грозит обвалом в неуправляемое насилие, а затем в тоталитарную диктатуру.

Перед нами узел острых противоречий, неуклонно растущего взаимного отчуждения и ненависти, причём на фоне вроде бы мало-заметных, но уже прорывающихся в рецидивирующих бедствиях и социальных болезнях процессах деградации материальной среды и человеческих качеств.

«Разрубить узел» не получится, поскольку действительно сейчас не 1917-й и не 1937-й гг.: на насильственный захват власти, на массовые репрессии и расстрелы стороны (пока?) не готовы, что уже хорошо.

За какие же нити нужно тянуть, чтобы этот клубок начал превращаться во что-то более приемлемое для жизни?

Отказ от полного уничтожения противника в конфликте уже предполагает, что с ним как-то придётся считаться. Значит, решение по необходимости должно быть компромиссным. Чтобы найти его, нужно договариваться, а чтобы договариваться, нужно хоть в минимальной степени доверять собеседнику, ну, например, знать, что он в какой-то момент не наставит на тебя пистолет и не наденет наручники. Известно, что первый гласный или негласный договор — это «договор о разоружении».

В лагере протестного движения надежды на такой договор сохранялись до 6 мая 2012 г., а после серии летних репрессивных законов и развёртывания дела о «болотных беспорядках» почти полностью улетучились. Соответствующие требования освобождения политзаключённых и прекращения репрессий хорошо осознаны, необходимы и закономерны. В этом лагере мотивация власти и режима трактуется лишь как трусливая жестокость, не достойная никакого оправдания, а значит и маломальского осмысления.

Попробуем все же реконструировать логику поведения властей и выразим её в таком монологе: «Вам не нравится, что мы обыскиваем, арестовываем, нечестно судим, сажаем, запугиваем? А что нам прикажете делать? Кто каждодневно грозит свергнуть

«кровавый режим»? Отобрать всё наше имущество? Посадить нас или в тюрьму, или на «воровской паролод»? Подвергнуть полной и пожизненной люстрации? Если уж мы такие плохие и коварные, как вы привыкли уверять, то с чего бы вдруг нам не обороняться всеми доступными нам средствами? Почему бы нам не наносить превентивные удары по вашим болевым точкам вместо того, чтобы смиренно ждать, когда вы исполните ваши угрозы?»

Ясно, что при такой позиции никаких мотивов у власти в сегодняшней ситуации соглашаться на «договор о разоружении», т. е. на отказ от применения насилия в политике, нет. Но без «договора о разоружении» наиболее вероятной остаётся эскалация взаимного отчуждения, рост репрессий, радикализация протеста с самыми неприятными последствиями.

Отсюда вытекает первоочередная и весьма нетривиальная задача для протестного движения: накопить достаточную «переговорную силу», потенциал возможностей и угроз, которые заставили бы власть считаться с оппозицией, отказаться от принятой сейчас стратегии точечных репрессий и запугивания, начать полноценные переговоры.

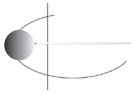
Угрозы эти должны вести не к ожесточению, а к уступкам, для этого быть реальными, относиться к завтрашнему дню, а не быть шапкозакидательскими в отношении отдалённого и вполне мифического «послеперелюционного» будущего.

Угрозы должны совмещаться с представлением *возможностей*, иными словами, переговоры и партнёрство с оппозицией для каждого конкретного руководителя, чиновника должны вести не к неприятностям для него вплоть до изгнания (как сейчас), а к росту репутации и новым карьерным перспективам.

Для накопления потенциала для таких угроз и возможностей нужны ресурсы, а где их взять? Речь идёт о сети организационных структур, о сотрудничестве с бизнесом и о массовой поддержке хотя бы в среде образованного класса крупных городов.

Отвергаем «политтехнологический» путь, обычно сводящийся к манипулированию сознанием, нажиманию на «кнопочки» уязвленного самодлюбия «широких масс». Реальная политическая репутация накапливается делами, ясным обозначением сути волнующих людей проблем, внятно изложенными способами их решения и «историями успеха».

Почему Россия с пока ещё сохраняющимся уровнем образования и технологий почти ничего не производит для себя и миро-

вого рынка? Что делать с оставшимися от советского ВПК моногородами? С пустеющими сёлами и заросшими бурьяном полями? Как остановить вымывание населения из восточных окраин страны, грозящее в будущем их потерей? Как обеспечить необходимое многократное увеличение инвестиций в поддержку и обновление инфраструктуры? Почему нет массивного строительства обрабатывающих предприятий? Как открыть пути развития для почти задушенного малого и среднего предпринимательства (за пределами торговли и простейших услуг)? Как снизить число организаций и граждан, полностью зависимых от бюджетных «раздач», но не обратить их в нищету, а дать реальные возможности для самообеспечения и развития? Почему при столь больших государственных затратах на медицину и образование они остаются одновременно столь дорогими для граждан и зачастую столь низкокачественными? Каким образом трансформировать управленческую систему, сросшуюся с системной коррупцией?

Нельзя сказать, что эти вопросы не волнуют власть, во всяком случае, околокремлёвские круги (журнал «Эксперт», РБК, ГУ ВШЭ и др.). Что-то делать даже пытаются, но властные решения обычно либо вовсе примитивны («наказать стрелочника» или «залить проблему деньгами»), либо, в конечном счёте, усугубляют проблему (когда создают ещё один бюрократический орган, когда принимают очередной «драконовский» закон). Соответственно, даже благонамеренные интеллектуальные потуги «экспертов» в большинстве случаев оказываются тщетными.

А вот в протестной среде все вопросы такого рода либо вообще не поднимаются, либо только в жанре «всё загубил режим, и пока его не свалим, сделать тут ничего нельзя и не нужно даже пытаться». Неоднократно раздавались призывы «строить параллельную реальность», «создать теневое правительство», «учредить альтернативный парламент, разрабатывающий свои законопроекты», однако энергия до сих пор больше тратится на организацию уличных шествий и митингов, долгие и унижительные переговоры с властью о том, где и как эти «марши свободы» будут маршировать в коридорах, плотно окружённых ОМОНОм.

Более трудной в интеллектуальном и организационном плане, но и более перспективной, является разработка альтернативных институциональных решений по множеству реальных социально-экономических проблем разного уровня, что предполагает и новые за-

конопроекты, и новые механизмы взаимодействия, и новые бюджетные решения.

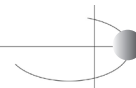
Заранее огульно утверждать, что такие альтернативные решения, будучи разумными, всегда и везде будут отвергнуты местными властями, нельзя. Непременнo нужно искать партнёров и единомышленников в органах власти и в бизнесе. Если отказ не имеет оснований, если, тем более, он связан с опасениями ущемить узко ведомственные и коррупционные интересы (что вполне ожидаемо), то нужно поднимать общественную кампанию, привлекая на свою сторону те группы, которые объективно заинтересованы в решении проблемы и недовольны существующим несправедливым и нарушающим их права порядком. Накопление таких «козырей» – важный фактор успеха на будущих региональных и федеральных выборах, которые только кажутся далёкими.

Необходимость расширения поддержки протестного движения в регионах давно осознана столичными лидерами. Направленность на разработку институциональных решений местных проблем, волнующих жителей регионов, даёт содержательную наполненность такому осознанию.

Проясняется и отношение к ожидаемому кризису (то ли он опасен, то ли необходим). *Социально-экономический кризис* (не говоря уже о насильственной революции) – это зло для подавляющего большинства граждан, его нужно предотвращать, разрабатывая и продвигая институциональные реформы. А вот *политический кризис*, раскол элит, последующие переговоры и демонтаж авторитарного режима очень даже нужны и полезны, поскольку правящая группа своими репрессивными акциями (от «законов» до арестов и дутых обвинений) показала, что готова цепляться за власть до последнего.

Следует учитывать, что значительная же часть провинциальной России (но и столичной тоже!) – сторонники сохранения режима, приверженцы этнонационализма (вкуче с имперством и великодержавным шовинизмом) и возврата к социализму, они голосуют за ЕдРо, ЛДПР и КПРФ, которым близки лозунги бывшей рогозинской «Родины», анпиловской «Трудовой России» и ДПНИ с «русскими маршами». Никакие дебаты и благонамеренные проповеди с рациональными аргументами никак на эту часть наших соотечественников не повлияют. Любая идеологическая атака будет отбита.

Есть и теоретическое основание для такого вывода. Стойкость к критике, ригидность

советско-имперско-националистического комплекса зиждется на прочной связке главных установок. Здесь сочетаются когнитивные установки (фреймы) и ценностные установки (символы) типа: «внешние силы Зла во главе с Америкой и их сообщники предатели-либералы и оккупанты во власти хотят погубить Святую Советскую Русь».

С этими установками крепко связаны идентичности, такие как «государство мне должно за службу, но недодаёт» и позиции рентополучателей, когда платят не за напряжённую, квалифицированную и эффективную работу, а за должность или статус (например, чиновника, офицера, доцента, учителя со стажем или пенсионера).

Теория социальной динамики указывает на путь не быстрой идеологической атаки, а медленной институциональной осады.

Мирная институциональная революция – это сложная совокупность конфликтных, разрушительных и творческих, созидательных процессов, которая будет идти по своей естественной непредсказуемой траектории. Однако определение общего вектора этой траектории (с условиями прохождения пяти развилок) и оптимальных ходов в каждой констелляции обстоятельств (с учётом наиболее значимых компонентов, факторов, закономерностей) требует привлечения теоретических моделей и знаний в области социальной и ментальной динамики.

Эффективное применение хорошей социальной теории, учитывающей сложные сочетания естественных и искусственных процессов, – это, разумеется, не гарантия, но значимый фактор успеха действительной демократизации страны.

Список литературы

1. Даль Р. Демократия и её критики. М.: РОССПЭН, 2003. 576 с.
2. Розов Н. С. Коллегиально разделённая власть и условия поэтапного становления демократии в России // ПОЛИС. 2008. № 5. С. 74–89.
3. Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. 735 с.
4. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. М.: ЛКИ, 2012. 464 с.
5. Collins R. Macrohistory: Essays in the Sociology of the Long Run. Stanford Univ: Press, 1999.

References

1. Dal R. Demokratiya i eyo kritiki. M.: ROSSPEN, 2003. 576 s.
2. Rozov N. S. Kollegialno razdelyonnaya vlast i usloviya poetapnogo stanovleniya demokrati v Rossii // POLIS. 2008. № 5. S. 74–89.
3. Rozov N. S. Koleya i pereval: makrosotsiologicheskiye osnovaniya strategy Rossii v XXI veke. M.: ROSSPEN, 2011. 735 s.
4. Sistemny monitoring globalnykh i regionalnykh riskov: Arabskaya vesna 2011 goda. M.: LKI, 2012. 464 s.
5. Collins R. Macrohistory: Essays in the Sociology of the Long Run. Stanford Univ: Press, 1999.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.